
№ 7
ИЮЛЬ
1939
ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Мурзилка
ОРГАН ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ



Стихи
В. Лебедева-Кумача

Рисунок
А. Брея

ЛИХИЕ МОРЯКИ

Детская песенка

Все моря и океаны
Знают наши корабли,
Боевые капитаны
С нами дружбу завели.

Тот, кто с нами хочет плыть,
Очень смелым должен быть:
Не бояться,
Не теряться,
Не сдаваться
И не ныть!

Плаксу сразу мы раскусим,
Труса сразу мы найдем —
Тех, кто плачет и кто трусит,
Мы с собою не возьмем.

Мы до полюса доедем,
Флаг папанинский найдем,
И с тюленем и с медведем
Мы знакомство заведем.

Мы такое место знаем,
Где, как в печке, горячо,
Где летают попугаи
И садятся на плечо.

Мы поедем к разным людям,
В разных странах будем жить,
Мы со злыми драться будем,
А с хорошими — дружить!

Всех злодеев и пиратов
Разотрем мы в порошок,
Чтобы было всем ребятам
Жить на свете хорошо!

Тот, кто с нами хочет плыть,
Очень смелым должен быть:
Не бояться,
Не теряться,
Не сдаваться
И не ныть!

На обложке:
„ДЕТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА".
Рисунок Д. Бродской



ШУМОВКА

Рассказ Льва Кассиля
Рисунки А. Брея

Настоящая шумовка бывает на кухне. Шумовкой снимают накипь с супа. Это такая большая ложка, вроде половника. Но то, чем зачерпывают, у нее круглое, ровное, края не загнуты, и всё в дырках. Если посмотреть на свет, получается много звезд. Как будто планетарий.

Но в нашем доме «шумовка» совсем другая.

В нашем доме (номер восемнадцать-дробь-четыре-А) очень много ребят. Есть большие дети, есть маленькие. Но шумели все. Они громко топали и стучали. Они кричали, шумели на площадках и в коридоре. Белые стены они царапали черным углем, черную клеенку на дверях черкали и рвали мелом. Они мусорили на пол и жалели только, что ничего не могут сделать с потолком, потому что даже Коля Степнов, если его и попросить, до потолка все равно не может достать.

Дом у нас большой, но стены в нем довольно тонкие, и детский крик слышно насквозь. И всем было плохо.

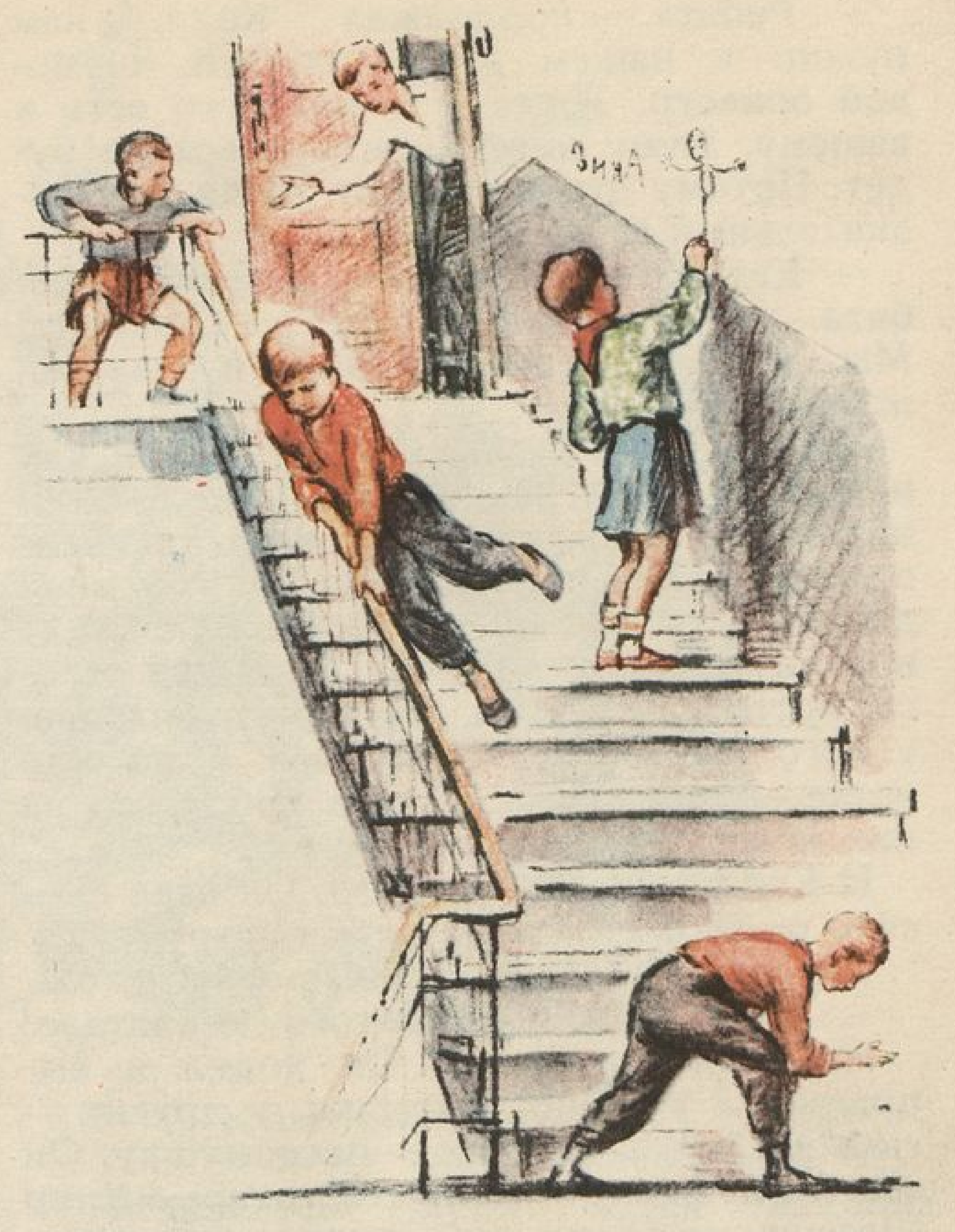
Плохо было Семену Аркадьевичу, инженеру. После работы он садился дома изобретать новые машины, но от детского крика ему ничего не приходило в голову. Он затыкал уши ватой, но в ушах у него начинало звенеть. Он то и дело подбегал к телефону и кричал: «Я вас слушаю!.. Громче! Ничего не слышно!»

Невесело было токарю-мастеру Шаброву. Он любил после работы поспать, но хотя он и клал подушку на ухо, все равно от шума ему снились всякие страшные сны. Он вскакивал и кричал: «Где горит?!»

Но уж кому совсем скверно было, так это Клавдии Семеновне Шпрунт, которая живет в пятой квартире, у самого подъезда. Она играет на пианино и других учит музыке. Но ей было не слышно, как она играет.

И даже Коля Степнов выходил на лестницу и говорил:

— Ребята! Честное слово, это же форменное безобразие! У меня завтра зачет по математике, а вы тут такой крик устроили, что я не могу сосредоточиться. И от этого что не надо у меня вылезает за скобку, а что надо — не влезает. Неужели нельзя играть немножко потише? Вас же просят! А то как турну с лестницы!..



Колю Степнова ребята уважали. Он умел играть карандашом на зубах «Приамурских партизан». А главное, у него был велосипед с самосветящимся фонариком. Сидеть боком на твердой раме было больно и страшно, но все просили Колю: «Коля, прокатни! Ну, хоть раз только до сарая и два раза обратно...» Поэтому ссориться с таким человеком не хотелось. Ребята обещали быть тихими, но скоро забывали и шумели опять.

Вот раз Коля Степнов, который уже сдал зачет по математике, вышел во двор и сказал:

— Между прочим, я сам непрочь пошуметь. Только я, ребята, не люблю, просто-таки терпеть не могу, когда шумят бестолку. Давайте шуметь по порядку, организованно. Я вам даже сам помогу.

Ребята удивились: Коля всегда был против шума, и вдруг...

— Ребята, — продолжал Коля, — нам нужно в нашем доме устроить шумовой оркестр. Тогда к нашему, то есть к вашему, шуму никто придираться не будет. Потому что это будет тогда уже сознательный звук.

— Как же мы будем? — закричали ребята. — Мы не умеем! Как же оркестр? Мы не музыканты, у нас и на чем играть нет!

— А я разве музыкант? А слыхали, как на карандаше играю! У нас в школе один мальчишка есть, так он палкой на палисаднике «Трех поросят» играет. А у меня дядька есть, так он на своих пуговицах военный марш играть может. В два голоса: густым и тонким. На пальто большие у него пуговицы — это басы, а на жилетке — дисканты. Он даже «Яблочко» на них играет.

И Коля принялся за дело. Он стал просить родителей, чтобы дали инструменты.

Сперва все в доме были против него:

— Мало еще шуму, этого нехватало!

Но Коля не унывал. Он ходил и выпрашивал у одних бутылки, у других — сковородку, у третьих — погремушку. Он так приставал ко всем, что токарь-мастер Шабров выточил ему дудку-верещалку, и даже инженер Семен Аркадьевич вынул вату из одного уха, выслушал Колю и дал ему старый звонок. А Клавдия Семеновна Шпрунт обещала переписать слова какой-нибудь новой песни.

Коля даже комнату нашел, около котельной, где можно было собираться и шуметь. Комнату вымели и побелили. Там было, конечно, не очень свободно, и потолок был довольно низкий. Управдом два раза набивал шишку на затылке, пока не привык нагибаться. От этого он чуть не стал против Колиной затеи. Но потом и он позволил брать конторские счеты, чтобы трещать ими в оркестре.

Ребята теперь собирались в комнате около котельной, и Коля объяснял всем, как играть.

— Дирижер буду я, — говорил Коля, — а оркестр у нас такой, что можно просто и своим голосом петь, а иногда, по ходу нот, и свистеть.

В оркестр решили принимать ребят только с пяти лет. Но пришлось записать Зину Кирпичеву из первой квартиры. Это уж сделали просто по знакомству, откровенно говоря, потому, что отец Зины — истопник. А ей было только четыре года и семь месяцев. Это все знали. Но она научилась очень хорошо играть на счетах. А сам Коля сделал себе инструмент, который назвал «бутылфон». Он поставил на ящик двадцать четыре бутылочки, налил в них воды по-разному и выстукивал двумя барабанными палочками разные песни. Клавдия Семеновна рассказала, как надо дудеть и стучать, когда нужно «форте» (это значит громко), а когда требуется «пианиссимо» (совсем, значит, тихо). Только Зина Кирпичева тарахтела костяшками счетов не во-время, когда ей была пауза и она не должна была играть совсем. Из-за этой Зинки Кирпичевой оркестр в доме и прозвали «шумовкой». Она все напутала, пришла во двор и стала хвалиться:

— А я теперь шумовка! А я теперь шумовка! Коля — шумовик, а я — шумовка!

Так и стали дразнить оркестр Коли Степнова «шумовкой». Потом все привыкли так говорить. Только и слышно было:

— Идем на шумовку!

— У нас сегодня шумовка будет!

А во дворе, на лестнице и в коридоре стало теперь тише: было некогда шуметь просто так.

— Ну, шумовка, вот что: пора нам выходить на широкую дорогу! В выходной будем показывать выступление родителям и всему взрослому населению, — так чтобы в полном сборе и вообще подтянулись! Это, Зинаида, к тебе относится. Хорошо бы и остальным руки помыть. Лицо тоже можно... А выступление будет в конторе. Я уже договорился.

В выходной, вечером, все родители и взрослые собрались в конторе. Пришел и инженер вместе с токарем и управдомом. Из пятой квартиры прикатили пианино, и ребята уселись на стульях в ряд. Школьники стали позади них. Клавдия Семеновна села играть.

Ребята взяли в чистые руки шумовые инструменты, надули щеки, приложили к губам свистульки. Клавдия Семеновна тихо попробовала клавиши. Очень красный, Коля постучал палочкой по бутылфону и сказал посторонним голосом:



— Шумовка! Пианиссимо! Приготовиться!..

Он взмахнул палочкой, как настоящий дирижер, и шумовка запела, залилась, засвистела, затрещала, защелкала соловьем. Складно и лихо сыграли ребята «Тачанку». Только Зина Кирпичева пела вместо «тачанка-ростовчанка»: «Эх, тачанка-растахчанка!..» Но этого никто не заметил. Родители и все взрослые хлопали и просили играть еще. Ребята сыграли еще три песни. Они сыграли «Партизан», и «Если завтра война», и «Могучую, кипучую»... А родители все хлопали и просили еще. Они хлопали так громко, что Коля сказал им:

— Я попросил бы соблюдать тишину.

Было уже поздно. Зина уже зевала так, что ее приходилось незаметно толкать в спину, чтобы она не забывала, когда надо, трясти свою трещотку.

Потом ребята исполнили хором и с музыкой «Зеленый Шум».

Идет, гудёт Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум...

Веселым, певучим шумом заслушались сами ребята:

Играючи, расходится вдруг ветер
верховой,
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную...

И казалось — шумят ветки весенних деревьев, и ветер поет в лесу, и птицы будто защелкали, звонкие весенние птицы! Течет, шумит большая вода...

Идет, гудёт Зеленый Шум...

Так хорошо спели и сыграли ребята, что инженер вынул вату из обоих ушей и даже вздохнул. Управдом зашептал:

— А счеты-то это я им дал! Пусть себе...

А мастер-токарь тихо сказал:

— Неужели это с нашего двора ребятишки? Прямо не верится! Как во сне! Хотя мне такие сны хорошие сроду не снились!

Все захлопали и закричали «браво». Ребята встали, чтоб поклониться, как артисты. Только Зина Кирпичева не встала. И тут все увидели, что она спит. Она спала, прислонившись щекой к спинке стула. С одной ноги у нее свалилась тапочка. Но и во сне она продолжала крепко, обеими руками, держать большие конторские счеты управдома. Кое-кто было хихикнул. Но Коля Степнов сердито задирижировал на всех руками:

— Тсс... Тихо! Тихиссимо!



Стихи Сергея Михалкова | *Рисунок А. Брея*

НАХОДКА

Я выбежал на улицу,
По мостовой пошел,
Свернул налево за угол
И кошелек нашел.

Четыре отделения
В тяжелом кошельке,
И в каждом отделении —
Пятак на пятаке.

И вдруг по той же улице,
По той же мостовой,
Идет навстречу девочка
С поникшей головой.

И грустно смотрит под ноги,
Как будто по пути
Ей нужно что-то важное
На улице найти.

Не знает эта девочка,
Что у меня в руке
Ее богатство медное
В тяжелом кошельке.

Но тут беда случается,
И я стою дрожа:
Не нахожу в кармане я
Любимого ножа.

Четыре острых лезвия
Работы не простой,
Да маленькие ножницы,
Да штопор завитой...

И вдруг я вижу: девочка
Идет по мостовой,
Мой ножик держит девочка
И спрашивает: „Твой?"

Я нож беру уверенно,
Кладу в карман его.
Проходит мимо девочка,
Не знает ничего

И грустно смотрит под ноги,
Как будто по пути
Ей нужно что-то важное
На улице найти.

Не знает эта девочка,
Что у меня в руке
Ее богатство медное —
Пятак на пятаке.

Я бросился за девочкой,
И я догнал ее,
И я спросил у девочки:
„Твое? Скажи, твое?" —

„Мое! — она ответила. —
Я шла разиня рот.
Отдай! Я так и думала,
Что кто-нибудь найдет!"

НОГИ

Стихи В. Осеевой
Рисунки А. Б.

Мама! Ноги у меня —
Все равно что два коня:
Я их утром запрягаю —
Два ботинка надеваю.
Зашнурую, запрягу
И бегу, бегу, бегу!
По дороге скачут ноги,
Где вприпрыжку, где в галоп.
Я покрикиваю строго:
«Кони, рысью! Кони, гоп!»
По камням и по пескам,
Через речку по мосткам,
По полянам, по лугам...
Как я рад своим ногам!



ЛЯГУШОНОК

Стихи А. Кардашовой

Капли скачут по тропинке,
В подорожниках шумят.
Прилегли к земле травинки,
И лопух дождем примят.

В подорожниках зеленых
Шевельнулся лягушонок.
Он под дождь подставил спинку,
Прыгнул в лужу на тропинку,

Посидел в водице мутной,
Жадно сыростью дыша,
И сказал через минутку:
«Эх, погода хороша!

Это я все квакал, квакал,
Оттого и дождь закапал!»



**Любимый летчик нашей страны,
Герой Советского Союза Коккинаки**



**Его славный помощник,
штурман Гордиенко.**

* *
*

Володя Коккинаки работал на судне «Шалун» младшим матросом.

Как-то вечером после работы он сидел на берегу моря и отдыхал. Вдруг он услышал гул мотора. Недалеко от него на розовую воду залива села большая серебряная птица. Володя смотрел на нее с восторгом. Он первый раз видел самолет.

«Летать по воздуху — это еще лучше, чем плавать по морю», подумал он.

И он захотел стать летчиком.

Володя был настойчивый мальчик и умел добиваться своего. Вечерами после работы он стал учиться арифметике, русскому языку, физике, чтобы сдать экзамен за девять классов школы. В то же время Володя укреплял свое здоровье: плавал, прыгал, играл в футбол. Ведь летчик должен быть не только образованным человеком, но и сильным, ловким. Мускулы у Володи стали крепкие.

Однажды грузчики разгружали в Новороссийском порту пароход. Среди них был и Володя. Он взвалил себе на спину огромный тюк, в восемнадцать пудов весом, и, осторожно ступая по шатким сходням, принес его на берег. Грузчики ахнули от изумления: никто из них не носил таких тяжестей.

С тех пор прошло много лет. Володя Коккинаки стал смелым и бесстрашным летчиком-испытателем, как Чкалов.

В 1935 году Коккинаки на своем самолете поднялся на четырнадцать с половиной километров. Так высоко тогда не летал ни один летчик в мире.

Летом прошлого года он со своим штурманом Бряндинским на самолете «Москва» за одни сутки пролетел от Москвы до Владивостока. На поезде туда надо ехать дней десять, не меньше. За это наше правительство наградило его званием Героя Советского Союза.

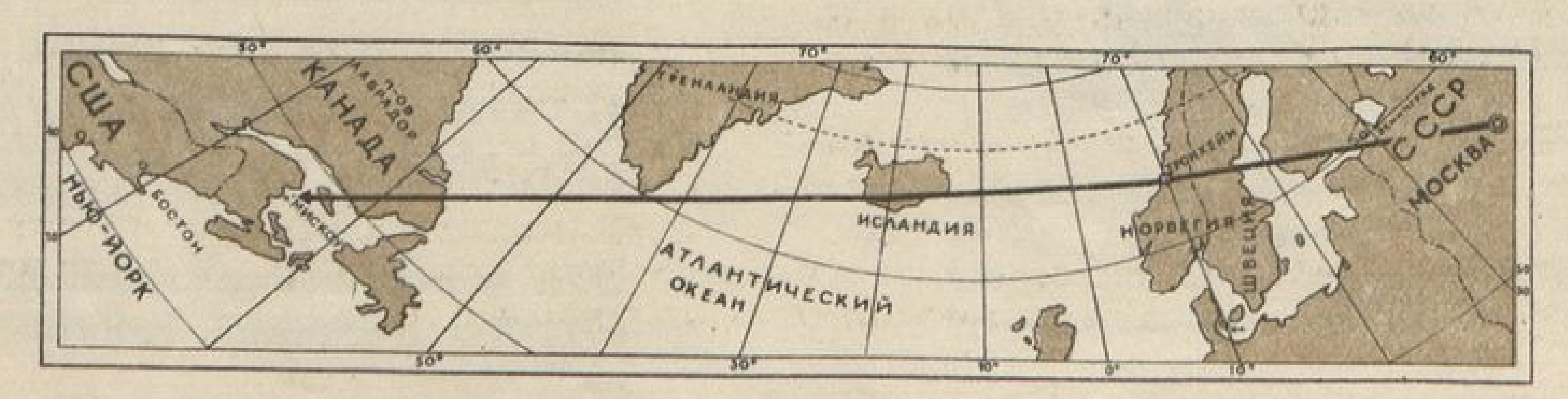
На этом же самолете Коккинаки, как молния, промчался из Москвы в Северную Америку. Он летел неизведанными путями; злые бури подстерегали самолет, огромные облака стояли, как стены, внизу шумел океан. Но Коккинаки и его помощник Гордиенко смело пробивались вперед. Они пересекли океан и опустились на острове Мискоу, у берегов Северной Америки.

Они летели вдогонку солнцу. Вылетев утром из Москвы, они вечером этого же дня были в Америке. В Москве в это время было три часа утра 29 апреля.

Этот перелет проложил кратчайший воздушный путь между СССР и Америкой. Он показал всему миру, как далеко и быстро могут летать наши самолеты, как бесстрашны советские летчики.

*
* *

Так мальчуган из Новороссийского порта, младший матрос с «Шалуна» стал любимым летчиком нашей страны. Стал депутатом Верховного Совета СССР



РВАНЫЙ НОС И НИК

(В МОСКОВСКОМ ЗООСАДЕ)

Очерк В. Никосо-Никочио
Рисунок В. Житенева



В солнечное мартовское утро в Московский зоопарк прибыл, в небольшой корзиночке, из вологодских лесов Ник.

Это был совсем маленький медвежонок — четырех недель от роду. Он таращил свои глазенки и тихо скулил. Он был голоден. Вита, которой поручили уход за медвежатами, сразу поняла его настроение: минут через десять Ник, звучно чмокая, потягивал через сосочку теплое молочко и вскоре сладко заснул.

Он был очень смешной, этот Ник. На передних лапках он еще мог держаться, зато задние никак его не слушались и разъезжались в разные стороны — он только учился ходить.

С ним много занимались, но у него не было товарищей, и он скучал и, может быть, поэтому быстро и сильно привязался к щенку дикой собаки динго — Кривульке, славному малышу с искривленным хвостиком. Они играли неуклюже, но очень весело.

Одновременно с Ником потерял, убитую охотниками, мать и Рваный Нос — медвежонок из лесов Северного Кавказа. Он также был привезен в Москву, в зоопарк.

Почти столкнувшись носами на полу комнаты, оба фыркнули и отскочили, но через минуту уже были друзьями, и скоро два пушистых мягких шарика катались по полу.

Однажды, играя, они наскочили на большого плюшевого медвежонка, очень испугались его, бросились по углам и оттуда с величайшим опасением наблюдали за игрушкой.

Ели медвежата очень хорошо и молочко и манную кашку. Шести недель они в хорошую погоду гуляли во дворике, делая преуморительные прыжки, и очень любили играть большим кожаным мячом, который быстро истрепали.

Значительно позже они подружились и с ежиком Ушаном и лисой Кур-Кур.

Когда Ник взбирался на небольшое деревцо, Рваный Нос поднимал кверху свою тупую мордочку, долго смотрел и наконец, обхватив лапками тоненькое деревцо, взбирался по нему и тащил Ника вниз за заднюю лапку. При этом оба ворчали, кубарем сваливались с дерева, и начиналась возня.

Рваный Нос был плаксой. Ник был спокойнее, ласковее и очень любил сосать ушко Рваного Носа.

Теперь им уже по пять месяцев, но они не стали серьезнее. Только во время мертвого часа, после сытного и вкусного завтрака, они крепко спят и во сне чмокают губами.

В остальное же время они шалят на площадке, залезают на деревья, на решетку, становятся на задние лапки и не дают покоя ни одному животному, но с Кривулькой дружат до сих пор.



Это уголок площади Колхозов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Она откроется 1 августа в Пушкинском, на северной окраине Москвы.

На выставку съедутся трудящиеся со всех концов нашей родины, чтобы посмотреть на дары природы большевикам: на тучные хлеба, чудные сады, апельси-



Рисунок Г. Туганова

новые рощи, хлопковые и рисовые поля.

Народы нашей родины увидят необыкновенные сельскохозяйственные машины, которые так хорошо помогают советским людям покорять природу.

Выставка расскажет посетителям, как богата наша страна, как культурно и зажиточно живут наши колхозники.

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА



Нужно много-много времени, чтобы объездить всю нашу необъятную родину, посмотреть все ее богатства, узнать, как живут советские люди — хозяева этих богатств.

Для этого придется ехать и на поезде и на пароходе и лететь на самолете.

А вот в Москве, на Сельскохозяйственной выставке, можно увидеть — и чем богата наша родина, и как сильна она, и как зажиточно и счастливо живется народам нашей страны.

Там покажут: чай и ароматные апельсины — Грузия, золотистую пшеницу и сахарную свеклу — Украина, ковры и хлопок — Таджикистан.

Вы там увидите виноград и дыни, выращенные под Москвой, электротеплицы, в которых люди далекого Севера выращивают сочные помидоры и огурцы, мичуринские сады.

А на площади Механизации будут выставлены сложные сельскохозяйственные машины: комбайны, сеялки, тракторы; они сделаны на наших советских заводах.

Наше правительство организовало эту выставку, чтобы все знали, что̀ сумели сделать лучшие люди нашей страны под руководством партии и как надо всем работать для того, чтобы в третьей пятилетке иметь много-много хлеба, мяса, овощей, фруктов, чтобы жилось нам еще зажиточнее и счастливее.

На выставке есть большой портрет девочки из Таджикистана — Мамлакат. С ней ласково беседует товарищ Сталин. Эта девочка заслужила почет и уважение всей страны. Она сумела работать лучше даже, чем взрослые, и научила так работать свою маму и других женщин своего колхоза.

Портрет этой девочки будет висеть в павильоне Юных натуралистов. Около павильона — яркий портрет великого садовода Мичурина из ковровых цветов. В павильоне — диковинные по величине и вкусу фрукты и овощи, хлопок, выращенный ребятами Харьковской области, новый сорт многоколосой пшеницы юннатов Таганрогского дворца пионеров и много-много других интересных экспонатов.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка расскажет, как расцвела наша родина, как из отсталой, нищей страны она стала самой богатой из всех стран мира.

Знаешь ли ты?

О ТОМ, ЧТО КРУЖЕВА РАСТУТ



На острове Ямайка растет удивительное дерево, которое называют «кружевным». Если его ветви размочить в воде, то они распустятся в тонкое, но очень прочное кружево.

Жители острова Ямайка делают из этих кружев самую праздничную одежду: красивые платья, шали, шляпы. А капиталисты-плантаторы додумались лишь делать из этого удивительного дерева только бичи.

О САМЫХ БОЛЬШИХ ЛЯГУШКАХ



Вот лягушка-бык. Живет она в Америке. Ростом эта лягушка с крупного кролика. Голос у нее басистый и громкий.

Лягушка-бык — большая обжора. Вот плывет по речке серая уточка, за ней — пушистые утята.

А лягушка-бык тут как тут! Схватила утенка за лапку, утащила его под воду и проглотила. Вот какой у нее широкий рот!

Мясо этих лягушек очень вкусное, поэтому люди на них охотятся: бьют из ружей, ставят ловушки.

***

В Америке живет и другая большая лягушка.

Она пестрая, точно клоун, и круглая, как мяч.

Эту лягушку зовут рогаткой, потому что у нее над глазами большие шишки, словно рожки.

ОБ ОДНОМ ХИТРОМ КРАБЕ



На панцыре этого краба живут водоросли, полипы, морские черви, актинии. Кажется, что это просто движущийся островок. Трудно догадаться, что этот островок, заселенный животными и растениями, — краб. Когда такому крабу захочется есть, он клешней достает с панцыря кого-нибудь из своих сожителей и отправляет в рот.

Этот краб не только хорошо спрятан от врагов живой покрышкой, но и всегда носит с собой готовый обед.

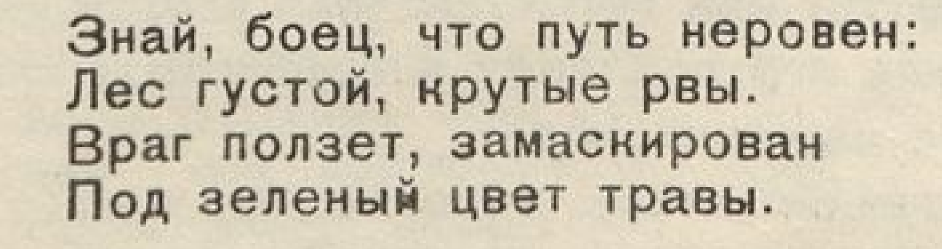


Стихи И. Науменко *Рисунки М. Михаэлис*

ЮНЫЕ ЧАПАЕВЦЫ

На припёке рдели вишни,
Солнце грело поутру.
Как на луг ребята вышли,
Так и начали игру.

Два дрозда концерт заводят
На ветвях большой сосны.
Два противника уходят
В две различных стороны.


Знай, боец, что путь неровен:
Лес густой, крутые рвы.
Враг ползет, замаскирован
Под зеленый цвет травы.

Но разведчик-наблюдатель
Ловко влез на толстый сук.
Если виден неприятель,
Он, как дятел, тук да тук!

В чистом воздухе полощут
Разноцветные флажки.
Полк чапаевцев — у рощи,
А полк белых — у реки.

В штабах к бою подготовка:
Командиры и стрелки
Сами делают винтовки,
Пулеметы и клинки.

По условленному знаку
Два полка идут в атаку.

Вот летят гранаты-шишки,
Из винтовки снайпер бьет,
И строчит без передышки
Деревянный пулемет.

Заклубилась пыль густая,
Зазвенели бубенцы —
То несется сам Чапаев,
А за ним — его бойцы.



Налетели вихрем, сразу,
И пощады нет врагам!
Атаман бандитский связан
По рукам и по ногам.

Разоружен. С поля боя
На допрос его ведут...
Окруженные конвоем,
Сзади пленные идут.

Возле штаба распевает
Голосистый черный дрозд.
Атаман не отвечает
На поставленный вопрос.

Он к Чапаеву подходит,
Разговор другой заводит:

«Нет, бандитским атаманом
Не хочу я больше быть!
Сам Чапаевым я стану,
Атаманов буду бить!»



О НАЗВАНИИ ГОРОДОВ

В первом номере журнала «Мурзилка» было рассказано о происхождении названий городов — Киева, Смоленска, Тулы.

Многие ребята — читатели журнала — заинтересовались названиями городов и сел, в которых живут сами.

Они расспросили об этом взрослых и прислали в редакцию письма. Прочитайте теперь о названии городов — Чембары, Вышний Волочок и станицы Незлобной.



***

В нашей станице Незлобной (Орджоникидзевский край) живут казаки, а недалеко от станицы, в горах, живут кабардинцы. В старое время царь и помещики натравливали казаков и

ЗИМНЕЕ УТРО



Рисунок Наташи Ездаковой, Москва.

русских на другие народы нашей родины. А вот казаки станицы Незлобной дружелюбно относились к кабардинцам. За это кабардинцы звали их «незлобными». Вот откуда произошло название нашей станицы.

Вова Брандт, ученик 2-го класса Незлобненской средней школы.



***

Вышний Волочок — старинный город. Его основал Петр I на том месте, где раньше волочили барки по земле из реки Тверцы в реку Мсту и обратно. Отсюда поселок назвали Волочком. По указанию Петра, реки Тверца и Мста были соединены двумя каналами.

КОЛХОЗ



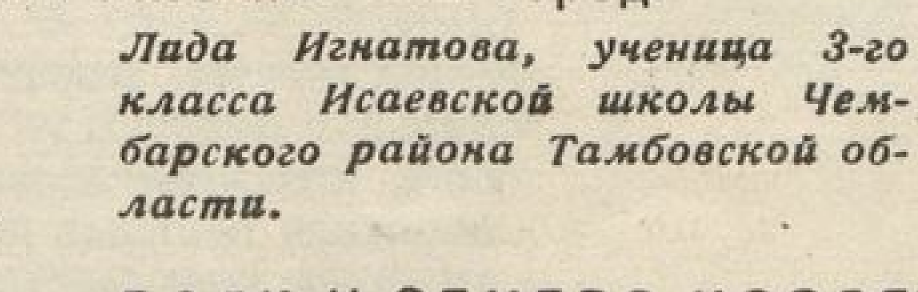
Рисунок Риты Михалевой, 7 лет, Подольск.

Теперь Вышний Волочок весь изрезан каналами. Его в шутку называют «тверской Венецией» (такой город есть в Италии).

Геня Зайцев, ученик 2-го класса 5-й средней школы.

***

Я живу в деревне, недалеко от города Чембар. Город окружают два оврага, по своей форме похожие на штаны. Когда-то, очень давно, на этом месте жили татары. По-татарски «чембары» значит «штаны». Вот откуда получил название наш город.



Лида Игнатова, ученица 3-го класса Исаевской школы Чембарского района Тамбовской области.

ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ



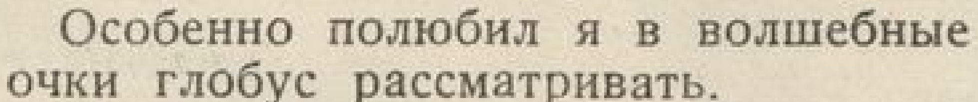
Рисунок Зои Михалевой, 5 лет, Ленинград.



ВОЛШЕБНЫЕ ОЧКИ

Рассказ М. Ильина и Е. Сегал *Рисунки О. Розенблатт*

(Продолжение)



Особенно полюбил я в волшебные очки глобус рассматривать.

На глобусе все нарисовано, что есть на земле: где голубая краска — там море, где коричневая — там горы, где кружок — там город. Я и раньше любил глобус разглядывать. Бывало возьму карандаш и путешествую вокруг земного шара. Карандаш — это океанский пароход, а я — капитан парохода. Из Ленинграда плыву в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Гонолулу, из Гонолулу в Сингапур, из Сингапура в Занзибар, из Занзибара в Рио-де-Жанейро, из Рио-де-Жанейро в Нью-Йорк.

Вожу карандашом по глобусу и думаю: «А хорошо бы посмотреть, что это за города такие: Сингапур, Занзибар, Рио-де-Жанейро! От одних названий дух захватывает... Вот бы стать путешественником!»

Теперь моя мечта сбылась: надев на нос волшебные очки, я путешествую по всему свету, не сходя с места. Посмотрю на Рио-де-Жанейро и вижу не просто кружок на глобусе, а голубую бухту. По берегам бухты белые домики разбросаны. А вдали разлеглась, словно каменный зверь, гора, протянула лапы далеко в море.



Посмотрю на море, а там волны рядами идут, вдали пароходы дымят.

Растет на морском дне сад. Деревья в этом саду всех цветов: голубые, красные, зеленые, белые. Среди деревьев пестрые рыбки носятся. Внизу по скалам пестрый мох растет.

Все в этом саду не такое, как на земле. Деревья не деревья, и мох не мох. Деревья там не деревянные, а каменные. И растут на ветках не цветы, а морские животные — кораллы. А мох не мягкий, как на земле, а весь из перистых скорлупок. Живут в этих скорлупках морские животные — мшанки. Никогда они не выходят из своих домов, разве только выглянут на минуту. Страшно им высунуть голову из скорлупки. Откусит голову рыба — и поминай, как звали!

А у рыб тоже есть враги, и страшнее всех восьмирукий спрут. Сидит спрут в пещере среди скал, глазами ворочает, стережет добычу. Как увидит добычу, сразу ее хватает восемью руками.

Но и на спрута есть управа — зубастый кит, кашалот.

Трудно одолеть спрута: длинные у него руки, а на руках присоски. Присосется рука, ее и не отдерешь. Долго длится бой между китом-великаном и морским чудовищем, спрутом. У спрута — присоски, а у кита — зубы. Спрут большой, а кит еще больше. Не хочет спрут уступать, да делать нечего. Кит сильнее его, кит и выходит победителем.

Вот что увидел я в глубине моря.

Побывал я в море, выбрался на берег и опять отправился гулять по суше.

Как-то раз взглянул я на глобус, вижу — написано там странное слово: «Каракум». Что это такое за Каракум?

Надел я очки, и вот что они мне показали.

РАССКАЗ О ХРАБРОМ КАНДЫМЕ

Далеко-далеко, за лесом, за степями, живут в пустыне Каракум два богатыря, два друга: песок и ветер.

День и ночь играют ветер с песком в богатырские игры. Разбежится ветер, подхватит песок, подбросит его до самого неба. Солнце кажется тогда желтым, как луна. День становится ночью.

Устанет ветер бросать к небу песок, затевает новую игру: собирает песок в высокие горы, гоняет песчаные горы по всей пустыне.

Идет песчаная гора, засыпает все, что встретится на пути: дом попадется — она дом похоронит, дерево попадется — она и дерево не пощадит.

Уходят люди из селений, покидают свои дома, оставляют сады на волю песка и ветра.

Первыми погибают в садах персики и абрикосы. Они засыхают еще раньше, чем песок дойдет до середины ствола. Дольше всех держится дерево карагач. Но и от него остается только сухой пень, когда пройдет песчаная гора.

Люди строят новые дома, подальше от песков. Но пески идут следом за ними.

Чтобы остановить песок, люди возводят вокруг домов высокие глиняные стены. Идет песок на приступ,

подступает под самую стену. Помогает ветер песку, громоздит его все выше и выше. Вот-вот перевалит песок через стену, возьмет крепость. Но защитники крепости уже строят над старой стеной новую. Все выше и выше делается стена, а песчаная гора тоже растет и всей тяжестью налегает на стену.

Немного весит песчинка. Но песчаная гора весит тысячи и тысячи пудов.

И вот навалилась гора на стену, рухнула глиняная стена, и песок устремился в крепость. Кто его теперь остановит?

Хозяйничают песок и ветер в пустыне, никому не дают житья. Не то что людям — даже травам и кустарникам трудно жить в пустыне Каракум.

Трудно расти кустарнику на песке, когда песок уходит из-под корней. Что стоит ветру, сильному ветру пустыни, выдуть песок из-под корней, выдернуть куст, уложить его на песок мертвым?

Бывает, принесет ветер в пустыню, словно для забавы, пригоршню семян. Кинет их на песок: растите! А потом сам возьмет да занесет их песком. Выглянет из семени зеленый стебелек, ищет дорогу к свету, не может пробиться. А если и удастся ему пробиться из песка на волю, надвинется песчаная волна и похоронит его под собой.

Но есть в пустыне Каракум смельчак, который умеет воевать и с песком и с ветром. Невелик он ростом, а отваживается бороться с богатырями. Зовут его — кустарник кандым.

Приходит кандым в пустыню не тихонько, не шагом, а прыжками. Семена кандыма спрятаны в круглый орешек. Когда дует ветер, прыгает орешек, как мячик, несется вперед скачками. Летит и песок следом, гонится за орешком. Но песок тяжелее: песку не догнать орешек, не засыпать.

Так при первой же встрече удается кандыму перехитрить врага.

Но одно дело — притти в пустыню, а другое дело — в ней остаться и не погибнуть. Вырастет куст из семени, из орешка. Как спасется он тогда от песчаных гор? Куст ведь не может бегать и прыгать. Надвинется гора — и ничего не останется от кандыма. Похоронит она его заживо, как хоронит персики и абрикосы в садах.

Но кустарник кандым не так-то легко засыпать. У кандыма не такие ветки, как у персика или абрикоса. Ветки у него тонкие, и на ветках нет листьев. Когда надвигается песок, кандым не борется с ним, не пробует его остановить. Он пропускает песок сквозь ветки: проходи своей дорогой!

И приходится песку убираться ни с чем.

Не нравится это ветру, дует он все сильнее и сильнее, выдувает песок из-под корней.

Хорошо, если кандым успел разрастись, глубоко пустить корни в песок. Тогда ветру с ним ничего не поделать. Но если кандым еще не укрепился на новом месте, трудно ему тогда устоять. Схватит его ветер, выдернет с корнями, уложит на песок. Как тогда ему не погибнуть?

Но кандым не хочет умирать. Лежа на песке, выпускает он новые корни, цепляется корнями за песок, останавливает его, собирает у себя и под собой, сам себе создает почву.

Разозлится тут ветер, нагонит гору песку, завалит кандым песком. А кандым и тут не сдается. Он и под песком продолжает расти. Подсыпает ветер к верхушке горы все новые и новые песчинки. А куст в горе втихомолку растет и растет.

Успокоится ветер, угомонится. Перестанет расти песчаная гора. А кандым знает свое дело: растет.

Дорос до самого гребня горы и выглянул на белый свет из песка зеленой щетиной.

Подул ветер снова, погнал песчаную гору дальше. А гора не слушается. Держит ее кандым своими корнями и стеблями, не пускает. И гора уходит с уроном, оставив на месте добрую половину.

Не хотел песок уходить добром — пусть остается на месте.

Так кустарник кандым умеет бороться с песком и ветром.

Узнали об этом люди, стали сеять в пустыне семена кандыма и других кустарников, которые тоже умеют бороться с песком.

Идут вперед кустарники, останавливают песок. А за ними идут люди и на побежденном песке строят свои дома и насаждают сады.

Все это я увидел, когда посмотрел на глобус сквозь волшебные очки.

Снял я очки и говорю сам себе:

— Ай да молодец кандым! Кажется, ничего в нем нет особенного: кустарник — и только. А история у него, как у человека. Каждый у него может поучиться упорству в борьбе с врагами.









Рисунки Г. Якубович

ИГРУШКИ-САМОДЕЛКИ

Все эти игрушки для своего уголка сделайте сами.

Из бересты сделайте стаканчик для ручек и карандашей, санки и юрту. Собаку сделайте из репейника, оленя и человечка—из желудей и прутиков, а ожерелье и утят — из рябины и шиповника. Чтобы утята плавали, прикрепите их булавками на пробки.

Сову, цаплю, ежа и рыбку сделайте из глины или пластелина и украсьте куриными перьями, крашеным ковылем. Ежа надо густо утыкать еловыми иголками, а туловище совы уложить чешуйками от еловой шишки. Глаза сделайте из чечевицы.

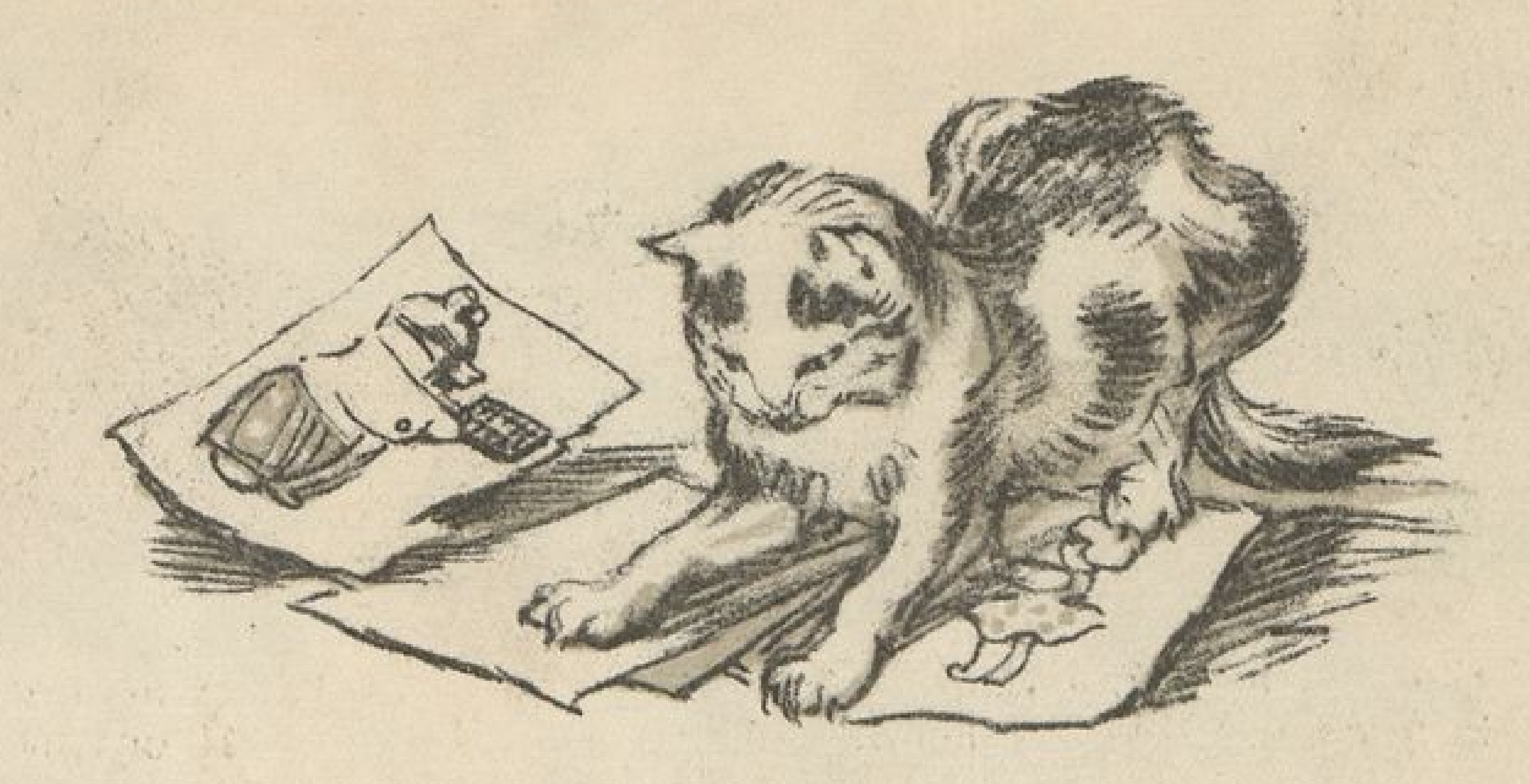
Из соломы делайте корзиночки, фонарики. коробочки и украшайте их мелкими камешками или раковинками. Наклеивайте камешки густым клейстером или фотопастой.

Игры и забавы

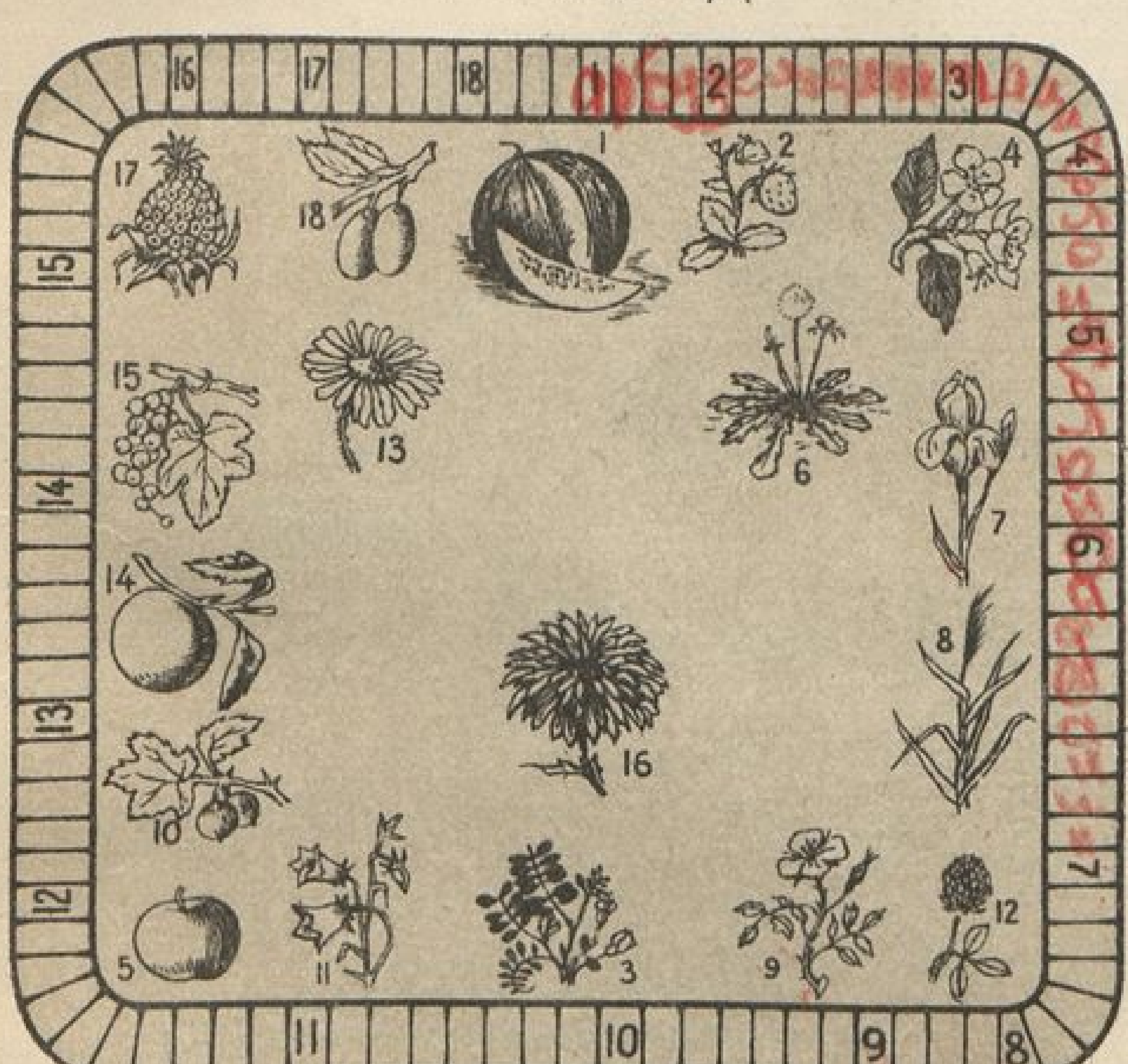
РАЗЛУКА

Были нарисованы
На странице книжки
Маленькая девочка
И мохнатый мишка.

Как-то раз котенок
Книжку разорвал,
Бедный медвежонок
Друга потерял!

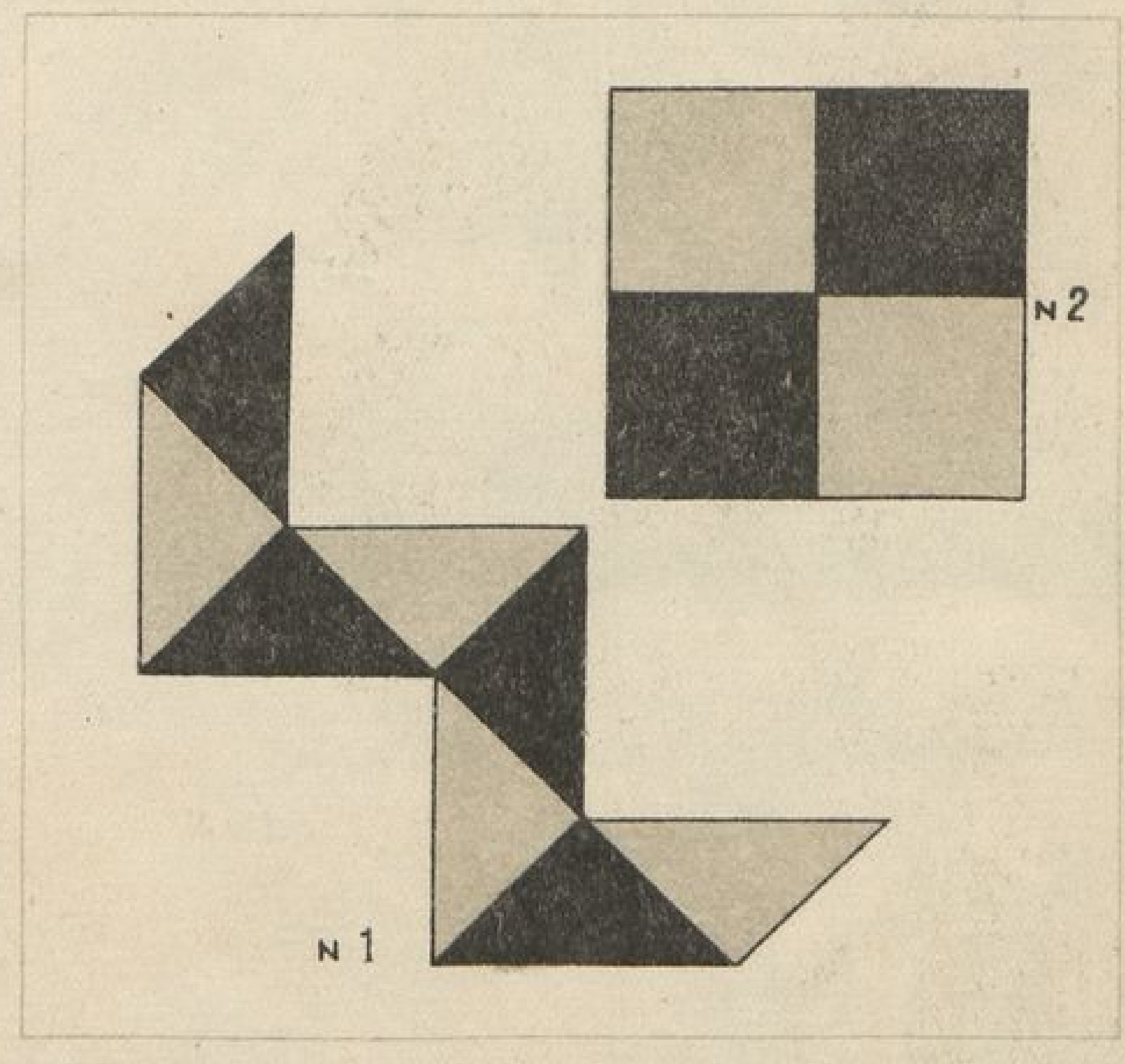


ЧАЙНВОРД



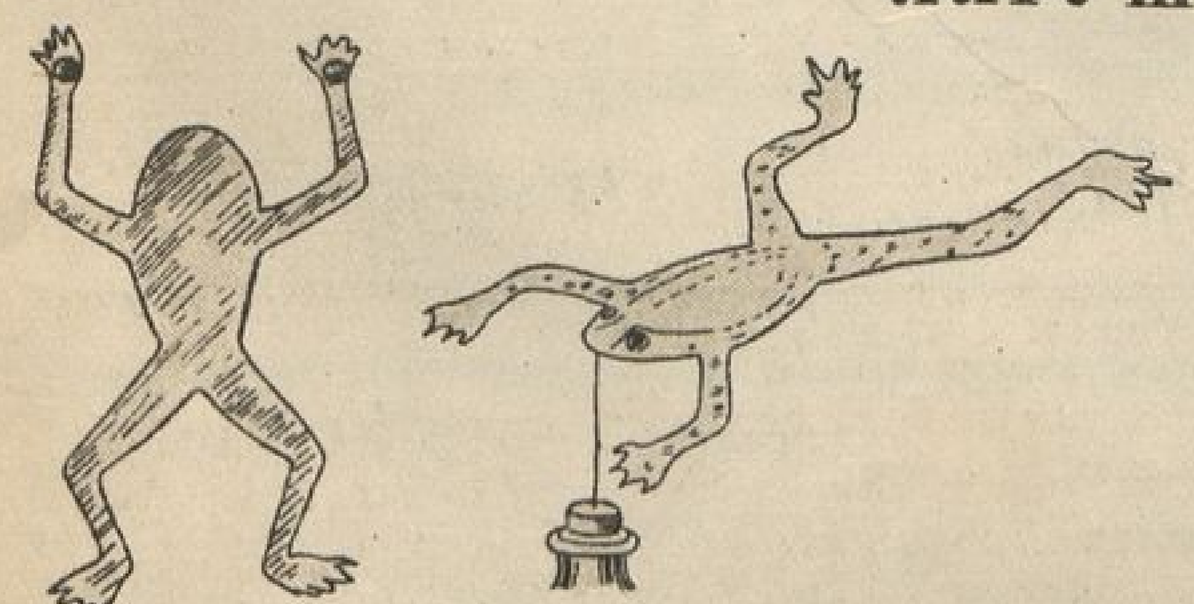
Значение слов нашего чайнворда показывают картинки.

ЛЕСТНИЧКА



РЕБЯТА! Одним разрезом разделите эту лестничку (рис. 1) так, чтобы потом из получившихся фигурок можно было сложить квадрат, изображенный на рис. 2.

ЛЯГУШКА-АКРОБАТ



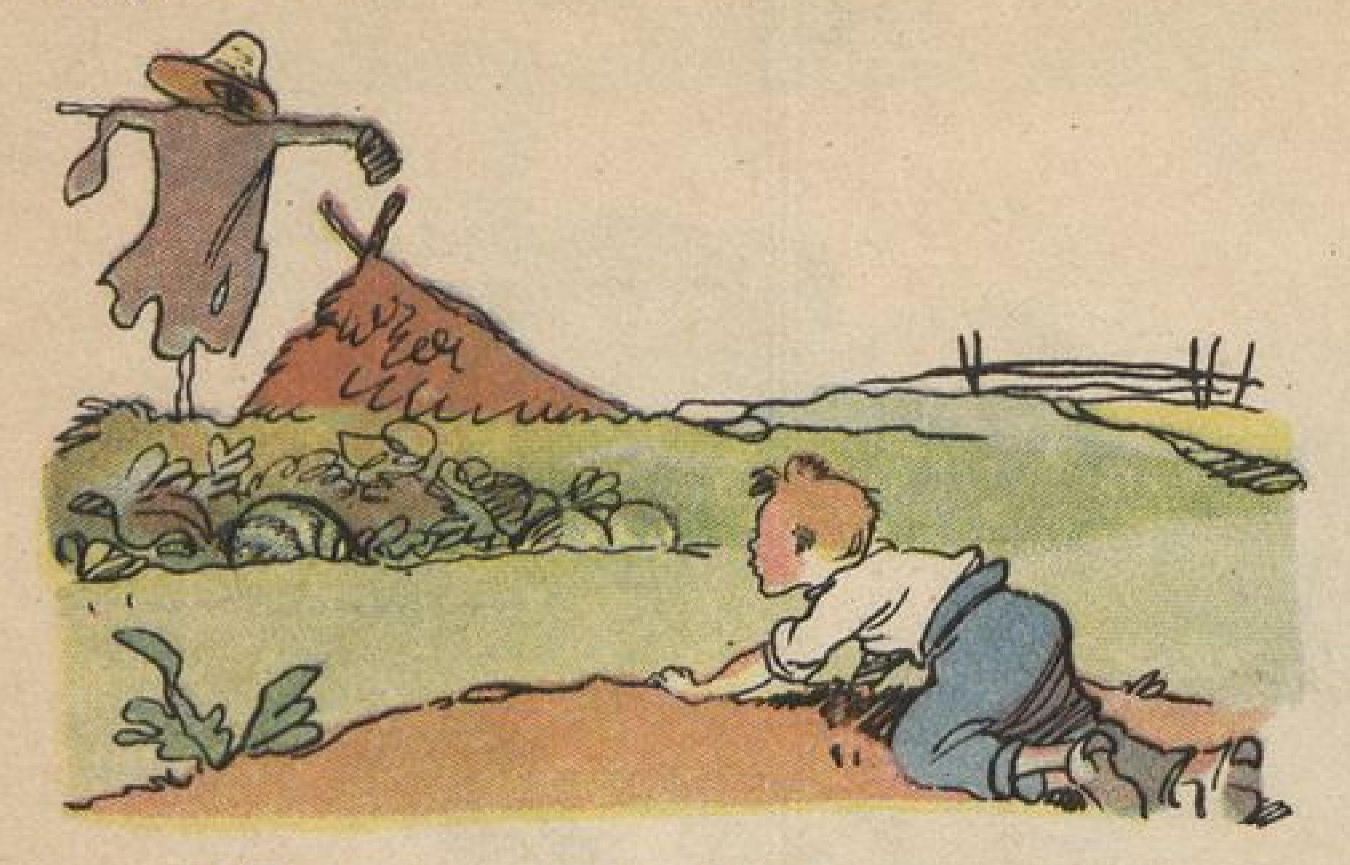
Нарисуйте на толстой бумаге эту лягушку, потом разрисуйте и вырежьте ее. Приклейте под передние лапки по шарику из фольги (в которую заворачивают шоколад). Воткните иголку в пробку, а потом пробку с иголкой вставьте в горлышко бутылки и положите лягушку мордочкой на острие иголки. Ваша лягушка не упадет: шарик удержит ее в равновесии.

Цена 75 коп.

Стихи Сергея Михалкова

Рисунки И. Кеша

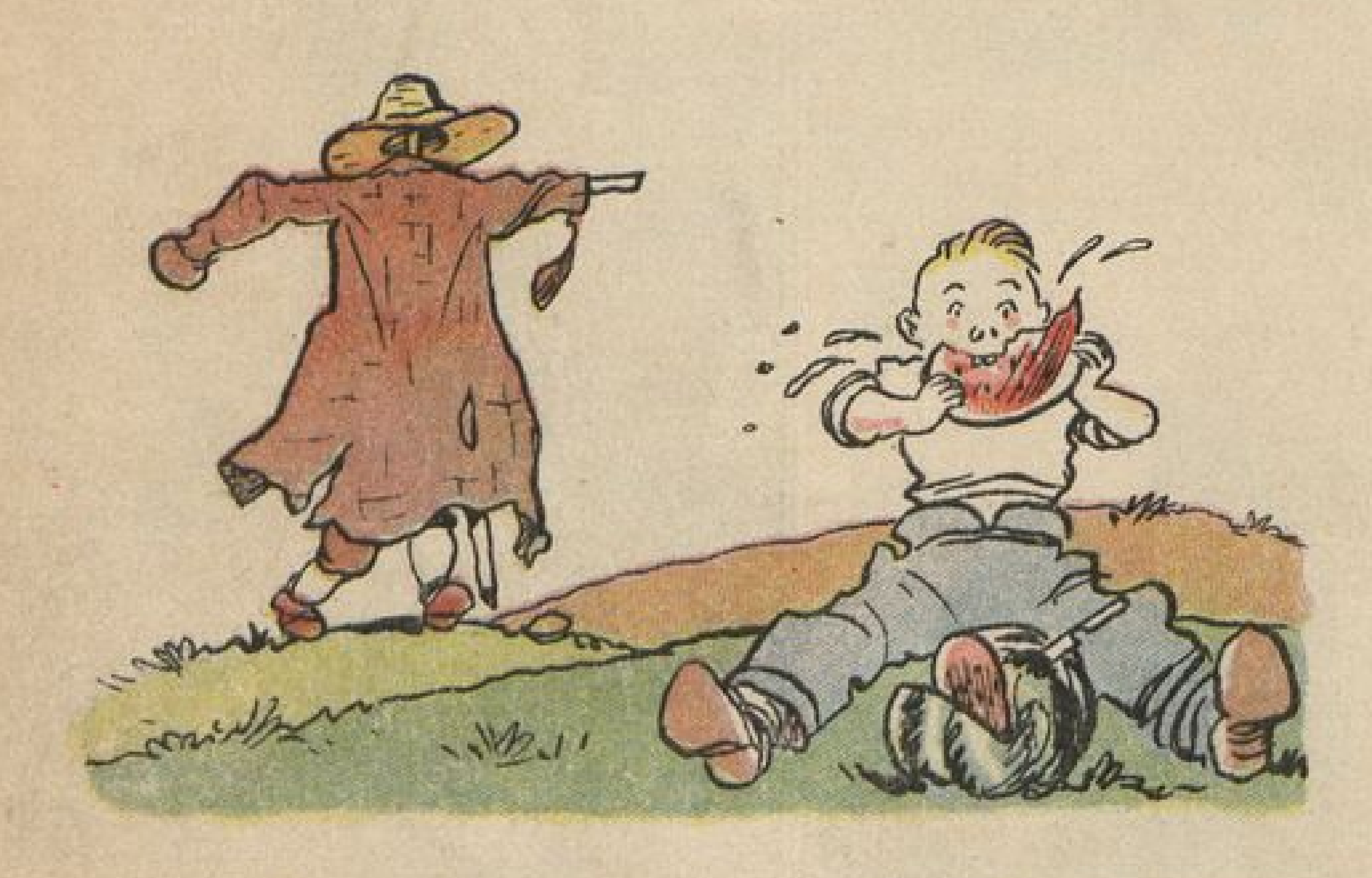
АРБУЗ



1. Еще не высохла роса,
Я полз к арбузу полчаса.



2. Я не боялся ничего —
Я острый нож вонзил в него.



3. Я так и знал, что мой арбуз
Прохладен и хорош на вкус.



4. „Спасите! Караул! Беда!
Не буду больше никогда!“



5. Я, как на крыльях, улетал,
А сзади кто-то хохотал...

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Художеств. редактор В. С. Житенев.
Корректоры З. Молодык и А. Сапелкина.
Сдано в набор 1/VI 1939 г. Подписано к печати 29/VI 1939 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита А-13590. Детиздат № 2314. Тираж 200 000. Заказ № 956.
Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.